

© 1996 г. В. С. ЛИСТОВ

К ИСТОЛКОВАНИЮ СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА «СТАМБУЛ ГЯУРЫ НЫНЧЕ СЛАВЯТ...»

Над стихотворением 1830 г. Пушкин выставил дату «17 октября». По мнению автора, эта помета не датирует текст, а является художественным элементом, содержательно связывающем стихи с книгой библейского пророка Осии.

Over his poem, Pushkin wrote «October 17, 1930». According to the author this is not the date of the poem but an artistic device which connects the poem to the Biblical «Book of Joshua».

Среди произведений первой болдинской осени стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят...» занимает почетное место и не обойдено вниманием исследователей (см. [1—9]). Обычно суждения о его содержании «растекаются» по двум основным руслам. Это, во-первых, не вызывающие сомнений связи стихотворения с арзрумским путешествием Пушкина, с Турцией и реалиями «восточного вопроса» в 20-е годы XIX в. Это, во-вторых, скрытые параллели с российской историей: поэт маскирует восточным колоритом кое-какие беды своего отечества, подобно тому как за век до него Монтескье в «Персидских письмах» (1721) обращался к особенностям французских нравов. Оба подхода и правомерны, и убедительны.

Ориентализм стихотворения глубок, но виден уже на поверхности. Это и позволило Пушкину приписать стихи воображаемому турецкому поэту-янычару Амину-Оглу и «прочитать» пять строф в главе V «Путешествия в Арзрум» [10, т. VIII, с. 478—479]. Фабульная связь полного текста опирается на реальные события истории Турции. В середине 20-х годов султан Махмуд II, ориентируясь на европейские образцы, приступил к модернизации своей державы. В 1826 г. он подавил мятеж янычар и уничтожил янычарский корпус. А с непокорными религиозными сепаратистами, тяготеющими к старине, султан боролся все годы своего правления. Это и дает возможность воображаемому Амину-Оглу и реальному автору противопоставить растленный столичный Стамбул патриархально-нравственному провинциальному Арзруму.

Все это много раз обсуждалось. Д. Д. Благой уже более шести десятилетий тому назад высказал предположение, что не одна только турецкая история тревожила воображение поэта. Русские параллели как бы сами напрашивались: «Для Пушкина янычары должны были составлять совершенную аналогию „древней русской аристократии“, оппозиционной реформе Петра I, боровшейся, вплоть до восстания декабристов, с самодержавием за свои классовые права и преимущества» [1, с.195]. Еще дальше в этом направлении пошел Н. Я. Эйдельман. Он отметил хронологическое совпадение суда над декабристами с восстанием янычар в Турции (лето 1826 г.) и в этой связи

напомнил о встречах Пушкина с опальными офицерами на Кавказе в 1829 г. [2, с. 199—202].

Разновидностью «русских параллелей» к стихотворению служит и та мысль, что соперничество Арзрума и Стамбула есть лишь ориентальное прикрытие традиционного отечественного противостояния старой Москвы и нового, западного Петербурга, а восстание янычар соответствует стрелецкому бунту (см., например, [3, с. 94]).

Как нам представляется, выйти за пределы обоих традиционных путей исследования помогает помета над первой строфой стихотворения, вписанная Пушкиным в белой автограф¹.

В комментарии к полному Академическому собранию сочинений Т. Г. Зенгер-Цявловская прочла помету следующим образом:

17 окт. 1830

Предч. (?) разб. ст. [10, т. III, с. 875, 1219].

Смысл второй строки пометы неясен, и все истолкования в разной степени неубедительны. Не предлагая своего чтения, покажем, что и первая строка пометы — 17 окт. 1830 — тоже не отличается простотой и буквальностью. Полное Академическое собрание сочинений Пушкина на основе этой пометы датирует все стихотворение 17 октября 1830 г. лишь «предположительно» [10, т. III, с. 1219]. Сомнения в том, что перед нами просто дата написания стихотворения, усиливаются и важным наблюдением Р. Е. Теребениной: вся помета вписана позже основного текста и над ним, а не в конце, как обычно у Пушкина. Отсюда и вывод: стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят...» не закончено; чтобы его продолжать, автор и вынес помету наверх, поместил перед первой строфой [4, с. 96—97].

Но для чего понадобилось бы Пушкину датировать незаконченное произведение? Мы будем исходить из того, что дата атрибутирует стихи не в простом хронологическом смысле, а скорее в каком-то ином, идейном контексте².

17 октября по церковному календарю отмечалась память библейского пророка Осии (см., например, [11, с. 306]). Это обстоятельство, по нашему мнению, не только дает ключ к истолкованию первой строки пометы, но и выявляет в стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят...» признаки культурной традиции, возникшей задолго до реалий турецкой или даже русской истории.

Книга пророка Осии (или Госеи) есть боговдохновенный отклик на трагедию «избранного народа» после царя Соломона, когда единое царство было разделено на два — иудейское со столицей в Иерусалиме и израильское со столицей в Самарии. В нашу задачу, конечно, не входит обзор современных достижений библеистики, изучающей, как события IX—VIII вв. до н. э. преломлялись в инвективах знаменитого пророка. Гораздо важнее выявить, как книгу Осии (Госеи) понимали в пушкинском, XIX столетии.

Известный исследователь библейских текстов Э. Ренан в своей «Истории Израильского народа» посвятил Осии-Госее небольшую главу, в которой попытался понять главный содержательный мотив книги пророка. Вот ключевой тезис Ренана: «Разделение царств представляется Госее высшим злом... Его влечет к Иуде нечто вроде симпатии к законной власти: он признает только царей из рода Давида; но он является израильским патриотом в самом широком смысле слова. По его мнению, анархия ведет северное царство (т. е. Израиль с Самарией.— В. Л.) к гибели... Самария пытается вступить в союз с чужеземцами; она переходит от Ассирии к Египту, от Египта вновь к Ассирии, поочередно предлагая

¹ Факсимильное воспроизведение пометы см. [3, с. 93].

² Тут напрашивается аналогия: той же болдинской осенью 1830 г. Пушкин выставляет дату (29 сентября) к стихотворению «Герой», что вовсе не день его создания, а памятное число — день приезда Николая I в охваченную холерой Москву [10, т. III, с. 1221, примеч.]. Тем самым дата становится элементом содержания вещи, так как связывает «чумной» эпизод Наполеона с «холерной» страницей биографии Николая I.

дары обоим. Этот прием кокетничанья то с тем, то с другим народом кончится плохо, как все любовные интриги и запретные связи» [12, с. 398—399].

Французский ученый в духе XIX в. совершенно точно передает основной смысл пророчества. Действительно, в библейской книге представлен когда-то единый народ, ныне трагически разделенный. Одна его часть (Израиль) лукаво отступила от Бога и погрязла в пороке; другая (Иудея) есть мир, который «держался еще Бога и верен был со святыми» (Ос., 11, 12). Пророк, конечно, обличает израильскую столицу Самарию. Но Ренан справедливо подчеркивает, что патриотизм Осии широк. Проповедь его, направленная против «лукавых» жителей Самарии, звучит как горькое слово соплеменника; он чувствует свое родство с отступниками; он как бы постоянно напоминает о прежних, лучших временах ушедшей общности, о временах воинственного Давида и премудрого Соломона.

Страх за единое отечество, уже разрушаемое внутренними распрями и влиянием иноплеменников, роднит Осию с поэтом-янычаром Амином-Оглу, а может быть, и с самим Пушкиным. Библейскую книгу и стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят...» связывает далеко не только дата — 17 октября. Образный строй, лексика пушкинских строк нередко тяготеют к ветхозаветному источнику.

Там, где Амин-Оглу уличает Стамбул в отступлении от чистых основ веры, в пьянстве, блуде и позорной роскоши, можно еще счесть смысловые совпадения с библейским текстом обобщенной культурной нормой. Авраамитские основы мировых религий и должны были проявляться в таких совпадениях. Но абстрактным сходством культур все равно не удастся объяснить некоторые «переклички». Вот несколько примеров.

Напомним первую строфу стихотворения:

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой
Как змия спящего раздавят
И прочь пойдут и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой [10, т. III, с. 247].

«Гяурам» Амина-Оглу, т. е. лукавому Западу, у Осии соответствуют Египет и Ассирия. Особенно сильно пророк нападает на израильское колено Ефремово: «Ефрем смешался с народами... Чужие пожирали силу его,— и он не замечал... И стал Ефрем как глупый голубь, без сердца: зовут Египтян, идут в Ассирию» (Ос., 7, 8—11). За склонность к чужим богам, за отступление от веры предков Единый Бог готов покарать отпавшие колена — прежде всего Ефрема. Оружием своей мести Израилю Господь выбирает тех же чужеземцев, веру и обычаи которых перенимают жители Самарии. По всему смыслу библейского рассказа ясно, что город лишь внешне, лишь по видимости будет раздавлен ассирийцами (4 Царств, 18, 10); в сущности же это не результат военного поражения, а следствие Божьего гнева. То, что должно свершиться, предсказано у Осии так: «Ибо я как лев для Ефрема... Я, Я растерзаю, и уйду; унесу,— и никто не спасет» (Ос., 5, 14).

Таким образом, совпадают не только общие предпосылки двух пророчеств, но даже их словесное выражение: «растерзаю и уйду» и «прочь пойдут и так оставят».

Не менее обязывающая перекличка выявляется и на материале третьей строфы стихотворения, где янычар обличает нравы стамбульских женщин:

...Там жены по базару ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в гаремы вводят,
И спит подкупленный евнух.

В грешной Самарии несколькими тысячелетиями раньше происходит то же самое. Инициатива блудодействия принадлежит не только мужчинам, но и женщинам, что в глазах праведника роняет Израиль особенно низко. Вот как вещает Бог через своего пророка о жене, олицетворяющей Самарию:

«И детей ее не помилую, потому что они дети блуда.

Ибо блудодействовала мать их, и осрамила себя зачавшая их; ибо говорила: „пойду за любовниками моими, которые дают мне хлеб и воду, шерсть и лен, елей и напитки“.

За то вот, Я загорожу путь ее тернами и обнесу ее оградой, и она не найдет стезей своих.

И погонится за любовниками своими, но не догонит их» (Ос., 2, 4—7).

Именно у Осии с особенной ясностью выражен мотив аналогии между любовью человека к Богу и любовью в брачном союзе. Поэтому пренебрежение узами брака есть, по утверждению пророка, как бы форма разрыва с Богом; в этой измене — существо трагедии Израиля [12, с. 101—102]. Кара свыше не заставит себя ждать. Божье наказание, предсказанное у Амина-Оглу, как беда спящего, раздавленного змея, находит опору в библейском тексте.

Разделению сердец израильтян между традиционной праведностью и чужеземной греховностью соответствует уже отмеченное деление народа на отступнический Север (Израиль) и Юг (Иудея), который «еще держится». Гнев Божий постигнет прежде всего северные колена: «Опустошена будет Самария, потому что восстала против Бога» (Ос., 14, 1). Но не только она. В дальней перспективе пророк видит «и с Иудею у Господа суд» (Ос., 12, 2).

Страх суда над народом разделенным, выраженный в стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят...», тревожит Пушкина прежде всего, конечно, в размышлениях о России. Сколько бы поэт ни обращался к стамбульско-арзрумским или самарийско-иерусалимским параллелям, все равно его преследует мысль о судьбах разделенного отечества. С этой точки зрения ещё не оценена по достоинству давно выявленная смысловая связь между стихотворением «Стамбул гяуры нынче славят...» и незавершенным стихотворным отрывком «Какая ночь! Мороз трескучий...». Этот отрывок как бы переносит читателя в русское средневековье, в Москву времен Ивана Грозного. Сюжет стихотворения едва намечен: удалой опричник («кромешник») спешит на любовное свидание. В описании Москвы, по которой скачет опричник, есть строки:

Торчат железные зубцы,
С костями груди пепла тлеют,
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернеют [10, т. III, с. 60].

Т. Г. Цявловская-Зенгер в примечаниях к разночтениям Большого академического собрания [10, т. III, с. 855] указала на сходство этих строк с четверостишием стихотворения «Стамбул гяуры нынче славят...»:

Окровавленные зубцы
Везде торчали: угли тлеи;
На кольях скорчась мертвецы
Оцепенелые чернели [10, т. III, с. 248].

Очевидное тождество этих строк можно, разумеется, объяснить особенностями того, что Ходасевич назвал «поэтическим хозяйством Пушкина». Стихи из одного неоконченного отрывка перенесены в другой неоконченный отрывок — примеров тому много. Но все же необходимо понять, почему в художественном и историческом сознании Пушкина одни и те же образы с такой

легкостью перелетают из морозной Москвы в жаркий Арзрум, а из XVI столетия — в современность³.

Думается, в основе такой возможности лежит все тот же горестный мотив из пророка Осии: разделенная страна, прогневившая Бога. Пушкин внимательно и, видимо, много раз читал том IX «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Поэт представлял себе круг основных событий 1565—1572 гг., вошедших в историю как опричнина. Карамзин склонен был объяснять опричнину как результат личных страхов царя Ивана IV. Но историограф описал не только террор и репрессии монарха; он подробно разобрал государственную реформу, проведенную Иваном IV. Царь *разделил* свою державу на две неравнозначные территории — земщину и опричнину. Оставляя в стороне экономические и политические последствия этого решения, отметим известную Карамзину и Пушкину разницу нравственных порядков, царивших в традиционной земщине и вновь образованной опричнине.

Столица земщины Москва и столица опричнины Александра Слобода не так точно противопоставлены, как Арзрум и Стамбул, хотя при опричном дворе монарх, несомненно, был «духом гнева обуян», а служили там такие известные «гяуры», как Генрих Штаден. Важен сам принцип трагического разобщения народа, что в пушкинском мире находит похожие образные соответствия. И тут, и там жертвы казней «корчатся на кольях». А между тем соотечественники разъединены, не понимают происходящего. Сравним:

Стамбул уснул перед бедой...

и

И вся Москва покойно спит,
Забыв волнения боязни...

Москва здесь олицетворяет Россию, т. е., говоря языком Осии, столица есть символ единения отечественных Самарии и Иерусалима. Ее сон «перед бедой» не просто бездумное оцепенение до следующих, утренних казней. Смысл пророчества и глубже, и шире. Когда Амин-Оглу предсказывает, что «змей спящий» будет раздавлен, то речь идет о национальной катастрофе, куда более страшной, чем монарший гнев, обращенный на подданных. То же самое происходит и в России. Как ни ужасны были репрессии Ивана Грозного, все же они явились только историческим предвестием «смутного времени», т. е. полного падения державы, ослабленной и захваченной «лукавым Западом», польско-шведскими интервентами. С этой точки зрения «Борис Годунов» и есть «Комедия о *настоящей* (курсив наш.— В. Л.) беде Московскому государству...» [10, т. VII, с. 290], а кроме того, параллель к истории сбывшихся библейских пророчеств⁴.

На протяжении всех лет жизни, отпущенных ему после первой болдинской осени, Пушкин будет постоянно и напряженно размышлять над священными текстами, над грозной судьбой народа, переживающего нравственное и духовное разобщение. Примеров тому много. Достаточно вспомнить пушкинские суждения о Петре и его реформе или «Историю Пугачева», чтобы понять тревогу поэта о будущем отечества...⁵

И последнее. Мы не брали на себя обязательств непременно дать свою версию расшифровки второй строки пометы над стихотворением «Стамбул гяуры нынче славят...»: «Предч. разб. ст.». Но если нам удалось доказать, что не только дата 17 октября напоминает в стихотворении о библейской книге Осии, то рискнем

³ См. [8, с. 87—95], где указанное сходство разбирается в ином, хотя и близком к нашему контексте.

⁴ Современный исследователь замечает: «У смертного одра северного царства Израиля стоял великий пророк Осия» [13, с. 110].

⁵ Разобщение Петербурга и коренной России видно даже в сравнительно скромной реплике старого Гринева из «Капитанской дочки»: «Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он служа в Петербурге? мотать да повесничать?» [10, т. VIII, с. 282].

предположить: истолкование второй строки пометы может опираться на ветхозаветный текст. Коль скоро первое слово, несомненно, есть «предчувствие», «предчувствовать» или какое-то другое того же корня, то можно поставить вопрос: что же предчувствует пророк? Он слышит голос Бога о злодействе жителей Самарии: «...ибо /они поступают лживо; и входит вор, и разбойник грабит по улицам» (Ос., 7, 1) ⁶.

И потому не есть ли смысл пометы в этом *предчувствии разбойника в столице?* Или даже прямо в Самарии?..

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Благой Д.* Социология творчества Пушкина. Этюды. М., 1931.
2. *Эйдельман Н. Я.* Быть может, за хребтом Кавказа... М., 1990.
3. *Викери У.* Загадочная помета Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1980.
4. *Теребенина Р. Е.* Пометы Пушкина на рукописях // Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1980.
5. *Белкин Д. И.* О комментариях к стихам «Стамбул гяуры нынче славят...» // Болдинские чтения. Горький, 1983.
6. *Черняев Н. И.* Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900.
7. *Григорьева А. Д., Иванова Н. Н.* Язык лирики XIX века. Пушкин и Некрасов. М., 1981.
8. *Новикова М.* Пушкинский космос. Языческая и христианская традиция в творчестве Пушкина // Пушкин в XX веке. Вып. 1. М., 1995.
9. *Фомичев С. А.* К истолкованию пометы при стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят...» // Вторая междунар. конф. к 175-летию приезда Пушкина в Кишинев. Кишинев, 1995.
10. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 16 т. М.; Л., 1937—1949.
11. Сокращенный молитвослов. Киев, 1869.
12. *Ренан Э.* История Израильского народа: Пер. с французского. В 2 т. Т. 1. СПб., 1912.
13. *Мень А.* История религии. В поисках пути, истины и жизни. М., 1994.

⁶ Церковно-славянский текст, известный Пушкину: «...яко соделаша лжу: и тать к нему внидет, совлачаяй разбойник на пути его».